

Александр Спиридонов

Пленник Калугулы

Народный роман-игра «Золотой Уммка»

Александр Спиридонов

**Пленник Калугулы. Народный
роман-игра «Золотой Уммка»**

«Издательские решения»

Спиридонов А.

Пленник Калугулы. Народный роман-игра «Золотой Уммка» /
А. Спиридонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839973-2

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Универсальный Мультимедийный Конструктор-Альманах — так
расшифровывается слово Уммка. В этот конструктор играют или попробовали
поиграть около сотни человек из самых разных городов. С тропы Александра
Спиридонова (Алекса Спиро) начался марафон Уммки. Весь проект
представлен на сайте <http://alexspiro6633.wixsite.com/goldenummka>

ISBN 978-5-44-839973-2

© Спиридонов А.
© Издательские решения

Содержание

Тропа алекса	6
Пленник Калугулы	7
1	7
2	9
3	10
4	11
5	13
6	14
7	16
8	18
9	19
10	21
11	23
12	25
13	27
14	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Пленник Калугулы Народный роман-игра «Золотой Уммка»

Александр Спиридонов

© Александр Спиридонов, 2017

ISBN 978-5-4483-9973-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тропа алекса

Часть третья

Пленник Калугулы

*«Пойдем же, Авраам, в твою страну,
где плоть и дух с людьми – с людьми родными,
где все, что есть, живет в одном плену,
где все, что есть, стократ изменит имя.
Их большие станет, но тем больший мрак
от их теней и руки, ноги свяжет.
Но в каждом слове будет некий знак,
который вновь на первый смысл укажет».*
И. Бродский.

«Земля – колыбель человечества, но нельзя!»
Ш. Сироткин.

*«И это вы считаете кражей? В таком случае наши взгляды
на жизнь диаметрально противоположны».*
О. Бендер.

1

Алекс сидел на пороге гаража и стриг ногти ножницами по металлу. Стричь было неудобно, но других не было. Под ногтями забились грязь и смола. Ему досталась еще та работенка: сдирать старую краску и обрабатывать корпус наждачной бумагой. Вик занимался более ответственным делом – приваривал новые крылья взамен проржавевших старых. Около «Нимфы», выкаченной на солнышко и похожей на молодящуюся красотку, чей век уже давно вышел, лежал кабель сварочного агрегата с держаклом. Электроды кончились, и Войт пошел за новыми в соседний блок к Слэву. Тому самому, чей портрет Алекс сделал на стене отверткой четыре месяца раньше.

В гараже царил хаос. Кругом валялись инструменты, запасные части, банки с краской, шпаклевкой и массой других вещей, предназначение которых для Спиро представляло загадку. Несмотря на то, что всякие железяки Алекс порой охотно рисовал, он предпочитал держаться от них подальше. Он с трудом понимал то удовольствие, которое находил Вик, запуская руки по локоть во внутренности какого-нибудь очередного «железного коня». Гаражное сообщество, состоящее из полудюжины владельцев автомобилей, признало Войта за своего и в периоды безденежья подбрасывало шабашки в виде битых машин «новых grossов».

Но теперь Войта занимала только его собственная. Правда, с каждым днем рвение борт-механика убывало и эпитет «короста» был еще не самым сильным. Оправдывая свое отношение к опостылевшей машине, он говорил с досадой:

– Не для себя же, для какого-нибудь Козлевича... Чтoб я еще связывался с «Нимфой»! Все, хватит с меня железных коней.

Еще в эгвекитаунских подвалах из-под его рук выходили неказистые самоделки, фантастических форм повозки, называемые вездеходами. Они имели гигантские колеса из авиационных камер, стянутых строп-лентами. Некоторые аппараты были без кузовов, открытые всем ветрам и дождям. Они с удивительным проворством взбирались по склонам сопков, форсировали мелкие речушки, преодолевали снежные заносы. Рыбаки и охотники, грибники и ягодники просто мечтали о таких средствах передвижения. Особенно с наступившим Потеплением. И тем более в Чумландии. Здесь же, в Калугуле, иметь две машины было пижонством. К тому

же «финансы пели романсы». Большие надежды на поправление дел в этой области приятели возлагали на предстоящую поездку в Скиев, где их ждало новое приключение – создание передачи под названием «Астролябия». В ней, по замыслу Вика, должен был возродиться из небытия дух самого великого комбинатора, чтобы публика, желающая заглянуть в будущее, могла удовлетворить свое любопытство.

– Главное, никакой отсебятины. Все как в романе. Приехал брамин-йог, пророк Сулейман, то бишь Самуил, отвечает на вопросы зрителей. Конгениально! Самого Бендера припахали! Ты въезжаешь в юмор? Четыреста первый способ сравнительно честного отъема денег. И что самое главное, – Вик делал многозначительную паузу, – весь сбор поступает несчастным детям, цветам асфальта. Или хотя бы твоим «умкам», а? Детям торосов и айсбергов!

Спиро улыбался: еще бы, ведь такой поворот событий прямо или косвенно лил воду на мельницу дальнейшего повествования народного романа. А там, действительно, глядишь, что-то выгорит и для авторов «Умки». Он уже мысленно переносился в Скиев, где не был еще ни разу в жизни. Ему казалось, что там их ждет что-то необыкновенное. Может быть, счастье?

2

Сим Вильес, возвращаясь с гастролей вместе с туземным ансамблем «Арканон», заскочил по пути в Калугулу. Во Френчии им пришлось побывать на фестивале национальных коллективов, в нескольких городах дали концерты. На видеокамеру Сим заснял некоторые эпизоды гастролей: облаченные в шкуры танцоры, обливаясь потом на тридцатиградусной жаре, демонстрировали охочим до экзотики жиропейцам древнее искусство чумок.

Алекс чертовски хотелось узнать, как обстоят дела с их гимном, но не хотел прерывать захлебывающегося от впечатлений Вильеса и терпеливо смотрел на экран. Не останавливаясь, Сим перешел на воспоминания о созданном им, еще в Эгвекитауне, квартете «Станс», среди участников которого была и Илона, об их неожиданном для всех лауреатстве на всегроссийском конкурсе.

– Так, а теперь пьем чай.

Илона принесла блюдо с гречневыми блинами. Вильес вдруг расхохотался.

– Ты это чего?

– Да вспомнил, как ты в общежитии нашей жил. Как ни посмотришь, все кашу варит: утром гречка, в обед и вечером. Сейчас, наверное, на нее смотреть не можешь?

– Да нет, почему... Цикловски, между прочим, обожал гречневую кашу.

– Ты, говорят, оперу пишешь?

– Оперу? А, понял... Про тебя, кстати, тоже написал. Хочешь почитать?

Вильес, прикончив блины, прочел кусок путевых впечатлений Алекса. С его лица не сходило выражение: «Пишете, ну-ну». Найдя в тексте место, где Спиро описывал свое житье-бытье в общежитии «Арканона», он заметил:

– Тут написано: «Ему пришлось менять продукты на спирт». – Он отчеркнул ногтем строчку. – Насколько я помню, все было наоборот.

– Действительно... – Спиро взял коленкорую тетрадь. – Но тут уже не исправишь. Что написано пером... Ты лучше скажи, что с нашим гимном?

Сим Вильес еще шире улыбнулся:

– Перенесли конкурс опять. Теперь уже на октябрь. Слушай, а что за тридцать три бумбума, аккомпанирующие хору? Это ты придумал? Я ведь в составе комиссии был, мы там все голову сломали – что бы это значило? Потом дошло... Юморист.

– А чем плохо? Выходят таких тридцать три богатыря и бьют в традиционные бубны. Выдержан народный стиль, все как положено. Значит, перенесли конкурс...

«Что-то он недоговаривает, регент наш».

Еще по Эгвекитауну Алекс помнил, как резко Сим изменился после обращения в «истинную веру». Их небольшую общину однажды посетил и Спиро. Из чистого любопытства. Правда, пение молитв и говорение на «многие языках» не произвело на Алекса никакого впечатления. Ему пришла в голову крамольная мысль, что для того, чтобы обращаться к Богу, вовсе не обязательно собирать толпу в расчете на то, что так будет слышнее. Позже Вильес поостыл, но Спиро не раз видел этот лихорадочный блеск в глазах у Сима и его супруги, уже в Ханадыре, когда невзначай заходили разговоры религиозного характера. Нечто подобное огоньку азарта охотника, загоняющего дичь, Спиро видел у Ади Душа – то они на пару с Гроузом «охмуряли» Алекса в студии. Тогда Душ преображался: из обычно полурасслабленного утомленного взора сыпались искры, это была страсть.

– Собираемся на гастроли в Голяндию, готовим документы в Мозгве. Сейчас туда, а потом в Ханадырь. Ты, кстати, знаешь, что билеты подорожают? Смотри, засядешь здесь...

– Ну вот, накаркаешь еще.

3

Слова Вильеса о грядущем очередном повышении цен на билеты оказались пророческими. Компания «ЧумАвиа», чтобы не мелочиться, сразу взвинтила на пятьдесят процентов. Спиро, узнав об этом, только обреченно вздохнул: капкан захлопнулся.

В самой стране общая ситуация тоже усугублялась. Взлетели на воздух два жилых дома в Мозгве. В Черокию вновь ввели войска для создания санитарной зоны, ничего хорошего это не предвещало. Мятежники отчаянно сопротивлялись. На этом фоне произошла очередная смена премьера. Взамен краснощекого Стэпа пришел совершенно новый человек – бывший полковник КОГБР Вальтер Пуант. Его невысокий рост и боксерская манера склонять голову к плечу, словно готовясь к удару, говорили о том, что этот шутить не будет. Особенное впечатление на grossиян произвела его фраза, когда речь зашла о террористах. «Надо будет в сортире, извините, в сортире найдем и расплющим!» Рейтинг премьера рос не по дням, а по часам. Бес Гант, командир чероков, воюющих на стороне федералов, воплотил слова премьера буквально: загнал в нужник четырех сепаратистов и сбросил на него автокраном бетонную плиту, о чем со смехом сообщил в одном из интервью. Алекс содрогнулся, услышав это. Жестокости хватало со стороны каждых противостоящих друг другу сил. Отрезанные головы, части тела... Особенно потряс сюжет о заложнице, совсем еще ребенке, которой бандиты поочередно отрезали пальцы и отсылали родителям, требуя невысказанный выкуп. Ее чудом удалось освободить.

«Если это лучший из миров, то каковы же другие? Нет, надо что-то с ним делать. Смягчение нравов одним Потеплением не произведешь. Здесь надо что-то более радикальное». Вспоминая о мерсах, Алекс чувствовал, как его окатывала волна стыда за людей.

...Ремонт «Нимфы» подходил к концу. Оба приятеля уже предвкушали, как самое большее через месяц, они будут в Скиеве.

– Эх, размахнись плечо, раззудись рука! Погуляем по непровским просторам, а?

– Вот еще новый Илья Муромец! Лежал-лежал тридцать лет на печи, вылез на свет божий...

– Нет, я только половину срока отмотал... Пятнадцать лет.

– Тоже не слабо.

– И что странно: за все время меня и не тянуло назад. Другие в отпуск, а мне там хорошо. Эгвекитаун – удивительное место, его можно сравнить с бильярдной лузой. Закатился в нее и все... Край света, тишина, покой. Может быть, потому что он на берегу залива Креста и Полумесяца?

– Ну и что с того?

– Там энергетика нулевая. Видимо, не случайно такое название – плюс на минус дают ноль.

– В смысле?

– Ханадерь другой. Там такие скачки энергетические, перепады, рельеф сказывается. «Мерканские горки». Да еще ветер. А в заливе сопки кругом и ты – как в лукошке яйцо...

– Не протухло яичко золотое?

Они рассмеялись.

– Нет, в бильярд играть можно.

– Крутой, что ли? – и Вик долбанул Алекса в бок жестким кулаком. Спиро локтем отпихнул приятеля и сполз с капота.

– Хорош болтать, давай работать.

4

Алекс лежал в наполовину откинутом кресле «Фарта» и смотрел в небо через открытый верхний люк. В глубоком небе плыло рваное месиво облаков. Хотелось запустить в легкую синеву руку и погонять эту стаю. Навстречу белым хлопьям пролетели две птицы, две черные чайники. Звучала легкая музыка, облака таяли в невидимых струях, как куски сахара в воде. Не хотелось шевелиться. Лежать, лежать, смотреть в небо, слушать музыку и ни о чем не думать.

«Как же я не видал прежде этого высокого неба? И все мы как можем не замечать его? Что должно с нами случиться, чтобы мы увидели его, вот так близко, как я сейчас? Какая-то бесконечная суета, бег по кругу: судорожные поиски, бессмысленная борьба... Зачем все это, когда есть величественное, высокое небо?» Алекс вспомнил, как его иногда охватывали подобные мысли еще на Севере, в Эгвекитауне и, в особенности, на метеоточке. Словно замороженный, он смотрел на какое-нибудь облако, медленно дрейфующее по синему небу над заливом, представляя себе, что кто-то, за тысячи километров, точно также смотрит в небо и над ним плывет такое же облако, и над другим, и над третьим... И улыбаясь, Алекс беззвучно шевелил губами: «А где-то в Калифорнии...»

Мимо протарахтел трактор. Дорогу, на обочине которой стояла машина, обступал лес: березы и сосны. Вдали, прямо по курсу, высилась труба. Какой-то поселок, какая-то птицефабрика. Говорят, здесь полно грибов. Алекс равнодушно фиксировал все эти мелочи, не пытаясь придать ходу мыслей какой-то строй. Было только десять часов утра. Сольце, прорываясь лучами сквозь крону высокой сосны, выхватило оранжево-красный ствол. Листва берез легко вибрировала.

Что-то случилось. Что-то сломалось в той механике, что несла Алекса от одной пристани к другой. Он застрял в Калугуле, как пароход, севший на мель. Вик, встречая безмолвный вопрос в глазах Алекса, вздыхал, кряхтел, морщился, тер виски и материл всех и вся. А главное – бестолковых покупателей, которые только звонят, интересуясь ценой на «Нимфу», но дальше этого не идут. Шабашек не было и бортмеханик переквалифицировался в строителя: небольшая дачка – реверанс в сторону тещи – была в стадии «еще немного, еще чуть-чуть». Единственное, что его развлекало – это ходить по грибы. Он был страстный грибник и носился по лесу как угорелый, притаскивая целые мешки. Собрать Вик любил один, Алекс по этому поводу не имел ничего против: он не находил во «второй охоте» никакой прелести.

Послышался треск сучьев, и из леса вывалился Вик с рюкзаком и ведерком, доверху наполненным опятами. Загрузив багажник, они покатали домой. Вик долго насвистывал какую-то мелодию, потом плюнул:

– Вот ведь привязалась проклятая! И кто ее сочинил?

Это был шлягер сезона «Кокнули неграсса».

– Не мешало бы обзавестись каким-то документом, Шура. А то как-то несерьезно.

У Спиро была бумажка, свидетельствующая о том, что он, будучи руководителем детского агентства «Умка-Пресс», находится в отпуске. Но согласно дате возвращения, срок отпуска закончился, и в настоящее время он должен был быть в Ханадыре. Это могло вызвать вопросы у полиции. Тем более сейчас, когда принимались дополнительные меры безопасности, ужесточались всякие правила и приезжий люд стоном стонал. Особенно в Мозгве.

– Не мешало бы. Какой тебе документ нужен?

– Министра... путей просвещения. Ха-ха! Шутка... Кем только я не был, в трудовой страницы кончились. А в итоге? Сижу в этом долбанном городишке как последний дурак, ни денег, ни работы.

– Вообще странно, ты являешься помощником председателя Ассоциации «Полярный Трек» по международным связям, так вроде? А проявляешь какое-то упадничество.

Войт отхватил себе такую должность еще в самом начале организации дела побратимства северных народов. Видимо, в расчете на интенсивные международные контакты Ассоциации. Контакты не состоялись, во всяком случае, таких масштабов, на которые рассчитывал Вик, и ему пришлось подыскивать другой вид деятельности. Но запись в трудовой книжке осталась, и при случае он демонстрировал ее, вызывая острые приступы зависти у своих гаражных приятелей.

– Это все равно, что должность директора погорелого театра.

Видя, что Алекс готов ринутся в бой, Вик поднял руки:

– Молчу, молчу.

– Ты лучше руль держи.

Когда они шли из гаража, Вик вдруг остановился и повернулся к Спиро, рассказывающему, как ему удалось сагитировать Роншара участвовать в романе-игре.

– О! – и замер, подняв палец.

– Что такое?

– Знаешь, ты кто? – неожиданно сказал Вик.

– Кто?

– Чичиков. И все твои «мертвые души», которых ты пытаешься выдать за группу авторов, только для того, чтобы орудовать ими как тараном. Двери прошибать во всякие высокие кабинеты и учреждения.

Алекс пожал плечами.

– Не только. Но и вбивать в кое-какие чугунные головы одну простую мысль.

– Какую?

– Жить прожить надо...

– Интересно. Знаю, это моя фраза. Я ее написал у тебя в мастерской в Эгвекитауне. Прямо на стене, красной краской.

Они пересекли шоссе и подошли к киоску, чтобы купить сигарет.

– Сохранился этот домик или нет?

– Мастерская? Да вроде стоял еще, когда уезжал. Заколоченный... И потом, почему «мертвые души»? Некоторые очень даже ничего.

– Ладно, будет тебе еще одна глава. Прямо сегодня напишу. Не веришь?

Так родилась вторая глава приключений Вика Войта в Чумландии.

5

Большой черный кондор раскинул свои крылья на обложке книги. Грудь грозной птицы была словно пробита навывлет. «Воины Сердца». Спиро открыл и перелистал страницы книги Данила Перына – основателя нового прогрессивного движения. Ури Карпентер, сотрудник Калугульского института социологии, перевел ее с джунглийского. Чем дальше Алекс читал, тем больше крепло в нем убеждение, что все это очень близко по духу. Сам Данил был колоритной личностью: физик-ядерщик по образованию, потом психотерапевт, учился у яньиньдейских шаманов на Гавайях, объездил весь мир и стал основателем организации «Фонд Священной Мли». Спиро проглотил книгу в один присест. Под многими страницами, посвященными Пути Воина, он был готов подписаться.

Очень напоминает «Путь Умки». Готовая теоретическая база. Меняй воина на умку, и все дела. Как, например, это: «Индейцы Яки, населяющие горы Северной Мексики, имеют своеобразное понимание концепции Воина. В нем можно проследить трансформацию идей, которые несли конкистадоры. Они говорят, что в каждом племени определенные мужчины и женщины призваны следовать по Пути Воина. Они слышат зов своего сердца – наиболее важной, по мнению янь-иньдейцев, части тела. С точки зрения внешнего наблюдателя, трудно выделить таких людей, потому что важная часть Пути Воина – относиться к себе со смирением и не считать себя „каким-то особенным“. Воины играют особую роль в жизни племени. Это именно те, кто привносят в мир нечто НОВОЕ».

Спиро медленно листал книгу.

Смирение, смирение... Смириться под ударами судьбы. Или все же попытаться что-то изменить? Привносим ли мы, умки, «нечто новое» в этот мир? И зов какой части тела нужно слышать нам?... Впрочем, что тут неясного? Конечно же ума, то есть головы, мозга!

– Эй, листописец, иди обедать!

Вик кашеварил на кухне и с хитрым видом что-то сыпал в сковороду.

– Такого ты еще не пробовал.

Готовить он любил и мог из чепухи соорудить вполне съедобную вещь. «Грибы в соусе абыкадо» пошли за милую душу. Почему из «абыкадо», Вик не стал говорить.

Отвалившись от стола, он начал шарить глазами по комнате. Через мгновение с видом сыскной собаки, подбирающейся к партии героина, вскочил с табуретки.

– Самый счастливый момент в жизни – это найти то, что тебе в данный момент больше всего нужно! – торжествующий Вик нашел сигарету на кухонной полке.

Спиро тут же вытащил блокнотик и нацарапал изреченный перл. Вик сделал удивленное лицо: «Не понял?». Алекс улыбнулся, пряча блокнот:

– А что ты хочешь, становишься исторической личностью.

– Я стал исторической личностью, как только родился, – моментально отреагировал Вик. Заметив остановившуюся на полпути руку Алекса, добавил:

– Это тоже надо записать.

6

Движимый желанием побольше разузнать о движении Воинов Сердца, Спиро отправился в Калугульский институт социологии. Ури Карпентер вел семинары в лаборатории конфликтологии. Сам институт размещался в педагогической академии. Ее трехэтажное здание из красного кирпича Алекс нашел на скрещении улицы Линча, ныряющей вниз, к реке и Стародворянского бульвара. Бывшая гимназия, из стен которой в свое время вышли довольно известные люди, встретила пустотой коридоров и скучающим вахтером.

Старинная лестница, с коваными решетками и со стертыми поколениями гимназистов и студентов мраморными ступенями, привела Спиро на третий этаж. Табличка на двери была скромной, и на ней значились всего лишь четыре буквы – КАИС. Секретарь попросила немного подождать, еще шли занятия.

Сидя на низком подоконнике и разглядывая проезжающие по улице машины, Алекс думал о том, что его путь чем-то напоминает блуждание в темноте. Нет системы, четкого плана, зацепки, позволившей ему двигаться дальше. Дальше – куда? В смысле географическом было понятно, но что касается смысла более значимого... Ему, как воздух, необходимо знать, что затеянная возня с «Золотым Умкой» не напрасна. Он на перекрестке, вроде того, что внизу, только светофор отключен. Ясно одно, что подъемов впереди немало и автомашина, начинающая движение по склону вверх, сначала неизбежно немного скатывается вниз...

Дождавшись конца занятий, Алекс вошел в аудиторию. Студенты собирали тетради, расходились. Из-за стола поднялся молодой парень в пиджаке в мелкую сеточку и очках в тонкой золотой оправе. Это был Ури Карпентер.

После того, как Спиро в двух словах объяснил Карпентеру цель своего визита, решили, что удобнее будет потолковать у него дома. Идти было недалеко. По дороге Спиро поделился своими впечатлениями о Калугуле. Ему, как «где-то художнику», чрезвычайно понравились ее живописные улицы. С них еще не были вытеснены коробками из железобетона цепко вросшие в землю старинные деревянные дома. Карпентер, в свою очередь, не удержался от вопросов, касающихся столь отдаленных мест, откуда принесло Алекса: Чумландия казалась чуть ли не другой планетой. Занимаясь социальными конфликтами, он не мог не поинтересоваться, что происходит с северянами, проблемами их переселения, масштабами перемен. Мимо ушей Алекса не прошло замечание Ури о его руководителе – завкафедрой института, профессоре Айце: он занимался проблемами парапсихологии и влиянии экстранормальных явлений на глобальные процессы. И что им не мешало бы встретиться.

Миновав монумент воинам, павшим в Карфагестане, они поднялись на пятый этаж панельной «хрущовки». Узнав, что жена Ури – психолог, в памяти Спиро невольно возникла Энн Роншар. «У нее тоже будет прекрасный повод лишний раз вспомнить профессиональные навыки, – подумал Алекс, доставая свои бумаги. – Припереться с края света, чтобы агитировать взрослых людей заняться игрой в... Во что?»

Но все оказалось очень мило: Спиро приложил максимум усилий, чтобы не слишком заморочить голову двум молодым людям Полярным проектом. Инесса же, в свою очередь, угостила гостя чаем с изумительно вкусным земляничным вареньем, а потом подарила свой рассказ «Он».

– Навечно мерсианским вторжением. Рассказ написан августе 1996 года, за неделю до Глобального Сдвига, когда все сидели и ждали космической атаки. Как-то странно сейчас об этом вспоминать... Я не уверена, что рассказ подойдет, решите сами. Обещать писать сейчас не могу, у нас нет выхода в инфернет. Вот когда появится, тогда вполне возможно.

– Она у меня пророк. Ведь именно в августе все это и произошло.

– А как относятся мляне к Глобальному Сдвигу, вы изучаете?

- Нет. Это нам... не интересно.
- Но... Странно.
- Есть более важные темы.

Ури рассказал о своей работе над переводом и подарил экземпляр, сопроводив надписью: «Алексу на радость». К большому огорчению Алекс узнал, что Перьин не так давно скончался. Последователи Пути Воина были и в Гроссии, в блокнот был записан их адрес в Мозгве. Заметив неподдельный интерес, Ури рассказал о своих поездках на регулярно проводимые семинары под Калугулой «Обществом Каны», куда съезжались люди, пытающиеся найти новые пути в своих поисках гармонии с миром.

– Есть интересный опыт построения общины «Хитеж», детского семейного дома. Ты же занимаешься с детьми, думаю, будет полезно побывать там. Это у нас в воеводстве, под городком Буэрто, киломилль семьдесят. К ним многие ездят. Возглавляет Мирт Морзе, журналист, писатель. Я слышал его лекции на магнитофонной ленте. Бери на заметку.

У Карпентеров был компьютер (что с удовлетворением отметил про себя Алекс) и Ури скачал с дискет все, что полагалось будущему участнику. Правда, он тут же дал понять, что со временем зарез и писать не сможет. Хотя идея понравилась.

- Могу предложить нечто другое.

На дискету Алекса были переписаны тексты, созданные слушателями курсов института. В основном это были стихи. Единственная прозаическая вещь – полудетективная история «Властелин подземелий» Майка Трина, калугульского автора-фантаста. Алекс взял след. В тот же день он позвонил в Легион писателей Калугулы. Там ему дали телефон Майка и еще одного автора – Алена Лоуренса.

7

Ален оказался плотным эпикурейцем, лет под пятьдесят. С первого взгляда почему-то думалось, что он принадлежит к цеху поэтов. Наверное, этому способствовала его внешность: римский¹ нос и копна выющихся волос. Но, как понял в последствии Спиро, сам Лоуренс на дух не переваривал поэтическую братию, считая, что в литературе происходит форменное засилье стихоплетов. Он был одним из немногих прозаиков Калугульского воеводства, написал несколько исторических повестей и роман. В настоящее время из-под его пера выскакивали детективы, по словам Алена, пользующиеся успехом, так как на прилавках они не залеживались.

Его квартира, скромно обставленная, располагалась в самом центре города. На стенах висели живописные работы самого хозяина, выполненные в примитивистской манере, старинные иконы – он пробовал себя в разных областях, в том числе в качестве реставратора. Узнав о художничестве Алекса, Лоуренс тут же сообщил, что закончил Народную академию искусств заочно и просил не судить строго его работы. Разговор заладил. Ален провел немало времени на Севере, в районе Северного Урлана, был геологом, нефтегазоискателем. Его неторопливая манера говорить и дотошность в деталях свидетельствовали об основательности. Но и выпить он предпочитал основательно. Бутылка «Ночи Калугулы» была незамедлительно разлита в два стакана и содержимое своего Лоуренс, на глазах ошеломленного таким началом Алекса, тут же препроводил в свою утробу. Спиро, сославшись на отсутствие столь замечательных навыков, предложил разделить вторую порцию пополам, на что возражений не последовало. На свет была извлечена красная папка с тесемочками. Он не успел толком рассказать суть проекта, как раздался звонок, и на пороге возникли два добрых молодца в кожаных жилетах. «Не то бандюганы, не то копы». Алекс склонился к последнему. Вскоре один из них, званием поменьше, слетал за выпивкой. За разговорами выяснилось, что вся здешняя писательская тусовка состоит из изрядных пьянчуг.

– Ты бы написал о последней разборке в кабаке «Калугула». Это было что-то!

Старший добрый молодец, разузнав о миссии Алекса, безапелляционно заявил:

– Тебе нужно дать материал о проекте? Сейчас организуем.

Взяв телефонную трубку, он созвонился с редакцией «Прикокского листка» и тут же договорился о встрече. Не откладывая дело в долгий ящик и распрощавшись с ослотившим Лоуренсом, молодцы повели Алекса на встречу. «Как под конвоем», – мелькнуло у него в голове.

По дороге у здания универмаркета им попался шустрый старичок, торгующий книгами. Предлагая свой товар прохожим, он что-то громко декламировал. Один из сопровождающих, задержавшись, купил у старичка книгу стихов. Оказывается, их продавал сам автор. «Отсидел чуть ли не двадцать лет...». Книга называлась «Поэзия прозы». На внутренней обложке синела размашистая надпись авторучкой: «Редакции «Прикокского листка» от автора. 7.6.99. Калугула». Кожаный жилет почему-то решил, что Алекс журналист и вручил ее в качестве подарка на память. Для Спиро осталось загадкой, что он наговорил автору книжки.

У здания художественного салона его неожиданные спутники нашли поджидающего сотрудника газеты, и, отсалютовав, исчезли. Рефлекторно Алекс выхватил взглядом яркий информационный щит у входа в салон – «Калугульский ивангард». Шевельнулась мысль: «Надо сходить. Художники, как и журналисты, свой народ».

¹ – Приходится признать, что в тексте все больше проскальзывают слова и понятия, употребляемые в профессиональном цехе писателей-дубленщиков. Скорее всего, это вызвано так называемым «принципом соленого огурца». (Примечание Алекса Спиро.)

Поездка на автобусе в редакцию была совсем недолгой и через пять минут Спиро грузил замредактора. Хмель уже выветрился, и Алекс ловил себя на мысли, что напрасно поддался порыву и приехал сюда. «Отвлекаю серьезных людей от серьезного дела. Что им «Умка»?.. Что они «Умке»?..

Возвращая папку с бумагами, замредактора заметила:

– А ваш «Кодекс Умки» мне уже попадался. У Энтони Чеха...

Потрясенный Алекс вышел из редакции.

«Первый человек, кто об этом сказал».

8

Миновав рыночную площадь, кишашую пестрой толпой, Алекс свернул в тихий переулок застройки прошлого века. Пройдя решетчатые ворота, он подошел к двухэтажному дому. Обогнув крыльцо с громадной вывеской «Стоматологический кабинет», Спиро вошел в подъезд, над которым красовалась другая, поменьше – «Редакция газеты «Перекресток Калугулы». Поднявшись на второй этаж, он нашел кабинет Майкла Трина. В небольшой комнатке стояло два стола, на одном из них высился монитор компьютера. «Уже неплохо, – подумал Спиро, – если что, сброшу с дискеты «Умку». Может быть, здесь приживется». За столом сидел владелец компьютера – светловолосый парень и с озабоченным видом что-то черкал на газетной полосе.

– Это вы звонили? – он поднял на Алекса взгляд серо-голубых глаз. Складка на переносице слегка разгладилась. – У нас тут запарка с номером, но несколько минут я могу уделить. Так значит, откуда к нам?

При слове «Ханадырь» у него удивленно поднялись брови. Чем больше объяснял Алекс суть идеи, тем серьезнее становился Трин. Откинувшись на спинку стула, он покрутил в руках авторучку.

– Интересно. Я-то по телефону понял, что это детский проект и в нем участвуют дети.

– Поначалу так и было, но теперь подавляющее большинство – взрослые.

– А взглянуть на рукопись или, что у вас есть с собой, можно?

– Вот дискета, здесь слепок того, что размещено в интернете.

Пока содержимое дискеты перекочевывало на диск компьютера, Спиро огляделся по сторонам. На стене, прямо над Трином, на гвоздике висела боксерская перчатка.

– Боксом занимаетесь?

– Это не моя. Подарок шефу. Но когда-то занимался немного.

– Рассматривайте мое предложение как своеобразный вызов на литературный ринг, творческий турнир. И, похоже, один из писателей Калугулы вызов принял.

– Да? Кто же?

– Ален Лоуренс. Детективщик.

– Да, есть такой. Хм... Честно говоря, заманчиво. Но я должен предварительно посмотреть все. Через пару дней скажу точно. Надолго к нам?

– Собираюсь на следующей неделе в Мозгву. Возможно, удастся выйти на какое-нибудь издательство или журнал.

– А до этого с центральными изданиями не имели дело? В таком случае, я попробую соединиться со своим литературным агентом, может быть, он вам подскажет что-то дельное.

Вернувшись домой, Алекс не удержался от соблазна и обратился к оракулу. Его ответ гласил: «Гениальная комбинация, блестяще доведенная до конца». Тогда Спиро решил заодно проверить шансы Алена Лоуренса. Здесь оракул был менее благосклонным. Его ответ «Очень жаль» свидетельствовал о том, что участие калугульского детективщика под большим вопросом.

...Спустя четыре дня раздался звонок. Это был Трин.

– Как и обещал, одну главу я для вашего романа написал. Можете заехать и забрать. А что касается возможной публикации, то мой агент в Мозгве сказал, что подобные вещи уже не актуальны. В свое время народ наигрался в интерактивные вещи. Хотя я понимаю, что ваш случай особый.

Алекс торжествовал: первый профессиональный писатель встал вместе с ними на тропу «Золотого Умки».

9

– Так и не сходили мы в музей Цикловски, – сказал Алекс, провожая глазами памятник в виде ракеты, взлетающей с постамента, возведенного посреди аллеи Парка ракетонавтики.

– Еще сходим, не переживай, – ответил Войт, подпрыгивая на обглоданном сидении троллейбуса.

Такого Спиро еще не видел. Калугульское троллейбусное начальство, устав бороться с вандализмом малолетних хулиганов по отношению к кожаным подушкам, поступило просто – убрало их вовсе. Вместо этих привычных амортизаторов светились ребра обшарпанных деревянных реек. Дешево и сердито.

– Вот в Скиев съездим и сходим.

Алекс щурил глаза: солнце било сквозь наполовину заклепленное рекламными листками окно. Реклама с детским простодушием взывала: «Посетите наш зоотеррариум! Наедине со смертью! Доставьте радость своим малышам. Кормление с 17.00». «Изобретатель из Обананска Ник Боярс. Средство от тараканов РАТОР, созданное простым русским человеком. Прозрачный контейнер – можно наблюдать, как насекомые поедают приманку».

– Да мне уж пора возвращаться. Хватит, нагулялся. Дело надо делать.

– Ну, ну... Бендер тебе что сказал? Свернуть в сторону и родина тебя не забудет.

Алекс промолчал. Действительно, накануне они решили узнать у оракула, какие перспективы относительно возвращения Спиро в Ханадырь. Вести оттуда доходили тревожные: невыплата зарплаты, забастовки, отсутствие авиатоплива. То, что выдал оракул, позабавило Вика – на карточках значилось: «Надо свернуть в сторону» и «Россия вас не забудет».

– Тебе же ясным языком говорят, надо ехать. Ехать, Шура, в Киев, как говаривал старик Паниковский...

– Только после того, как здесь, в Калугуле, создастся группа поддержки «Умки». Вот если бы Лоуренса уболтать... От тебя проку мало – всего две главы.

– Кто о чем, а вшивый о бане. Да не лежит у меня душа к твоей саге о Форсайтах! А с Аленом, думаю, общий язык найдем. Мне такие люди симпатичны. Тем более что он пишет телесценарий, а я режиссер как-никак.

Жилище Лоуренса располагалось недалеко от автовокзала, над крышами близлежащих домов нависал шпиль собора. Уже подойдя к самой двери подъезда, они столкнулись со странным гражданином в брезентовом плаще и разбитых сапогах. На плече у него болталась сумка, взгляд был дикий. Некоторое время он смотрел на остановившихся приятелей, потом громко шмыгнул носом и отвалил в сторону.

– Почтальон Печкин какой-то, – сказал Вик, захлопнув загудевшую металлом дверь. После звонка в квартиру на пятом этаже на пороге возник Ален. Его могучая шевелюра стояла дыбом, переносицу пересекала суровая складка. При виде Спиро лицо писателя слегка разгладилось.

– А, проходи...

– Я с приятелем, знакомься.

Переложив из правой руки мундштук с сигаретой, Лоуренс поздоровался и произнес:

– С этими выборами с ума посходили. Представь, вваливается эта скотина и начинает мне задвигать про колунистов. Мало того, что краснопузый, так еще и пьян в стельку. Понабирают всякую шваль и агитацию разводят!

– Или контрагитацию, – заметил Вик, проходя вслед за Алексом и размещаясь на диване.

– Тоже возможно... Значит, в Мозгву едешь?

– Думаю последовать твоему совету, попробую сдать рукопись в издательство. До автобуса есть пару часов, решили зайти.

Войт хмыкнул. Он листал книгу и рассматривал рисунки различных систем пистолетов и револьверов.

– Эх, кабы мне сапоги...

Алекс взглянул на часы.

– Мы тут захватили по дороге, не возражаешь?

– Какие могут быть возражения? Естественно, нет. Правда, закуски тоже...

Спиро извлек из пакета пару сырков. Войт захлопнул книгу.

– Заодно и познакомимся.

Знакомство состоялось. Вик рассказал несколько историй, происшедших с ним в старательской артели. Время пролетело незаметно.

...Подходя к зданию автовокзала, Вик произнес:

– Интересный мужик Ален, кого же он мне напоминает?.. Повертел головой и, обратив взор в заплывающий асфальт, добавил: – Вспомнил. Ляписа Трубецкого из фильма. Я думаю, мы с ним споемся. Не задерживайся там, в Мозгве.

10

Оракул возвестил: «Витязям асфальт ни к чему». Очень обнадеживающе!

Вход в редакцию журнала «Чудеса в решете» был найден Алексом в доме на тихой улице Пегий Ровик. Разговаривающий по телефону сотрудник показал пальцем на дверь в глубине коридора. До слуха Алекса донеслись слова: «Бархатный сезон».

Кажется, дела у журнала идут неплохо, стены покрыты пенообоями, жироремонт, жиромебель...

Набираясь духу, Алекс постоял у окна в курительной комнате и сделал несколько затяжек «Блэкмора». Курить не особенно хотелось, дым казался едким и противным.

Внутренний голос говорил что-то о мизерных шансах. Столичные редакции – это все-таки иной уровень, нежели в провинции. В Калугуле ему удалось заинтересовать проектом журналиста из газеты «Вестимо» и там вышла небольшая заметка «Умка» ищет друзей», с сильным экологическим креном. Видимо, для маскировки. «Чем можно было бы взять здесь? – раздумывал Алекс, – народ бывалый, лаптями-снегоступами не удивишь...».

Окна редакции выходили на внутренний двор, где по кругу спортивной площадки носился стриженный физкультурник в голубых трусиках и мягких туфлях, тренируясь в беге. Еще не загоревшие белые ноги его мелькали между деревьями. «С севера, наверное, приехал гражданин». В курилку вошли двое, оживленно жестикулируя.

– А я не поеду в августе. Запишите меня на июнь. В августе малярия.

Алекс потушил папиросу и решительно двинулся в коридор к кабинету редактора. Оказалось, что редактор болен и его замещает пухлый господин в безрукавке цвета хаки. Полные щеки цвета лососяного мяса были прекрасны. Глаза смотрели почти мудро. «Золотой Умка» на зама не произвел никакого впечатления. Взвесив в руке зеленую тетрадь, он вернул ее Алексу.

– Такие объемы нам не по плечу. Да и вообще мы стараемся держаться подальше от всей этой машинерии, инфернетов и тому подобного. Даже материалы стараемся принимать по старинке, в рукописях.

Спиро слушал и тупо смотрел на изысканный рельеф обоев. Стенной спиртовой термометр показывал 18 градусов тепла.

«Ясно, – подумал Алекс, – „Умке“ здесь делать нечего. Тогда, может быть, зарисовки с мест, путевые заметки? Ведь придется ездить по всей Чумландии, организовывая детское агентство».

Здесь зам был более благосклонным.

– Какой критерий? Критерий один – насколько интересно и профессионально сделан материал. Главное – побольше чудес и этих... приключений. Наш редактор, он приболел немного, так и говорит: «Никакой политики. Держаться от нее как можно дальше». Сколько журналов до кризиса выходило, где они? А мы сохранили тираж. Не чудо? Вот вы поедете, куда вы сказали? Ах да, Чумландию. Тем более. Ведь эта земля сплошь напичкана чудесами, а какие возможности для приключений!

Алекс кивал головой и думал: «Настоящим чудом окажется мое возвращение. А интересно, как бы он отнесся к истории с медальоном?»

Слегка ободренный замом, Алекс выбрался во двор, пытаясь сообразить, в какой стороне станция метро. В следующую задачу входило посещение издательства, рекомендованного Лоуренсом: «Солидные люди, не кидалово какое-нибудь».

«Надо собраться, сконцентрироваться, хватит путаться в собственных соплях. В конце концов, не для себя все это делается, не корысти ради... Торeadор, смелее в бой!»

Спортсмена-любителя уже не было, солнце плескало полной ладонью на стены домов, балконы пузатились, игриво выставяя гнутый ажур чугуна. Казалось, где-то звучали рояли, мандолины и гармоники.

«Пусть неудачник плачет...»

Окна были распахнуты. Цветники в глиняных горшочках заполняли подоконники. Толстый человек с раскрытой волосатой грудью в подтяжках стоял у окна и страстно пел. Вдоль стены медленно пробирался кот.

11

Алекс третий раз продефилировал мимо белой будки охранника, стоящей за кованой решеткой ограды. Человек в серой форме и с резиновой палкой на ремне подозрительно покоился на приближающегося. Спиро уже минут десять крутился на одном месте, пытаясь найти издательство «Ватага». Координаты он выяснил из телефонного разговора с литературным редактором, но второпях записал таким почерком, что разобрать написанное было практически невозможно.

Страж, осмотрев Спиро с ног до головы металлоискателем, указал пальцем на планшетку Унца.

– Тут у меня бумаги.

– Открывайте, открывайте.

Чертыхаясь про себя, Алекс оторвал кусочек скотча, которым были прихвачены обе половинки.

– Теперь, пожалуйста.

Пройдя еще одного охранника, Спиро вызвал лифт.

«Сказывается соседство с банком, еще бы собак завели. Только банки не взрываются, они сами лопаются».

Через пару минут он вошел в кабинет с табличкой «Издательство «Ватага». В глубине комнаты несколько женщин сидело за компьютерами. Оттуда доносился аромат кофе: был обещанный перерыв. У входа стоял стеллаж с книгами, на корешках красовался фирменный знак издательства.

Обойдя валун ксерокса, Спиро уткнулся в первый письменный стол. Рукописи стопкой поднимались с пола и захлестывали часть столешницы. Остальное пространство занимал монитор с клавиатурой и канцелярские штучки, вперемишку с блокнотами и проспектами. Через минут десять в кабинет вошел человек с кипой бумаг и утомленным выражением лица.

– Вы звонили?

Алекс подумал, что лучше всего такие люди воспринимают слово, облеченное в печатную форму и переправил через бумажный завал сначала газетную заметку об «Умке», потом Правила игры, затем все остальное.

– И что? – над рукописями взметнулись брови редактора.

– Может быть, это представит для вас интерес? – на свет божий появилась заветная тетрадь.

Взвесив ее в руке, редактор вновь взглянул на Алекса.

– А в цифровой форме есть?

– Есть.

Дискета отправилась следом.

– Вот в таком виде вся эта беда размещена в Сети. Пара сюжетных линий имеют вполне законченный вид.

– Вы знаете, если это детектив или триллер, то народ этим уже наелся. Нас сейчас интересуют такие вещи, как рассказы о животных, о природе и главное – юмор.

– Не знаю, как с юмором, но о животных тоже есть...

– Вы в Мозгве остановились? В Электростуле? Я постараюсь не задерживать с ответом. Позвоните послезавтра.

Пока происходила беседа, в зал, не спеша, вошел пожилой джентльмен, по виду художник, в нацепленном набекрень берете. Из разговора, краем уха уловленным Алексом, стало понятно, что он принес иллюстрации к очередной книге. Девушка в розовом, просмотрев листы, одобрительно отозвавшись о сделанной работе, добавила:

– Правда, замечательная книга?

– А я ее и не читал...

Из Мозгвы Алекс поехал в Электростул: надо было навестить Роншара и забрать оставшуюся часть вещей. В электричке у коробейников Спиро прикупил запасных стержней для авторучки: впечатления копились, и их следовало мало-помалу конвертировать в текст «Тропы Алекса».

«Ох, чую, долго ее придется пробивать».

12

Электростул Алексу нравился и не нравился одновременно. С виду город был тихим и зеленым, такого автомобильного безумия, как в Мозгве, не было. Тем не менее, по словам Роншара, с экологией в городе были проблемы. Торчащие там и сям трубы говорили о том, что по сути Электростул – город-завод. Учитывалась ли роза ветров при его возведении, сказать было трудно. Какое-то время воздух был вполне свеж, но когда ветер менял свое направление и рыжие хвосты ядовитого дыма зависали над городом, от первоначальной благости не оставалось и следа.

Довольно часто начинали выть сирены гражданской обороны, пугая неподготовленных гостей.

Даже не верилось, что в его пределах размещены заводы-гиганты: «Элемасть», выпускающий спецмазку для дурановых реакторов и «Тяжмошь» – специализирующийся на оборудовании для металлопроката. Продукция, давшая в свое время жизнь и название городу, давно перестала выпускаться. Иногда изготавливались единичные экземпляры, но, в основном, для музеев. Это было совсем не похоже на доброе старое время, когда производство не справлялось с лавиной заказов.

Особенно памятливы были тридцатые годы. Тогда, для того, чтобы справиться с планом, начали выпускать электроскамейки. Их так и называли – электрические скамьи подсудимых. Учитывая тот факт, что судопроизводство было максимально упрощенным, приговор приводился в исполнении прямо в закрытом зале суда. Популярны были скамьи, рассчитанные на большие группы врагов народа, которые расплодились в невероятном количестве. Во время Второй Войны в чрезвычайной спешке перепрофилировали основные конвейерные линии: из заводских цехов стала выходить смертоносная начинка для реактивных снарядов «Актюша», авиабомб и торпед. Сработало двойное назначение уникальной технологии: наряду с гражданской, востребованной оказалась иная сторона изобретения. Впрочем, это относилось почти ко всем видам продукции, выпускаемой в те лихие годы.

Обо всех этих достижениях Алекс узнал из посещения музея завода «Элемасть», куда забрел по ошибке, разыскивая редакцию многотиражки. Среди массы экспонатов особенно выделялись муляжи бомб и снарядов. Подивившись цифрам со многими нулями, говорившие о количестве изготовленных боеприпасов, Алекс мысленно прикинул, сколько на белом свете появилось в итоге вдов и сирот. Получалось, что немало.

«Какая-то тень смерти на всем. Конечно, это было в прошлом, сейчас даже город собираются переименовать: не то в Электроштыль, не то в Электроштадт. Но дурановое производство-то все равно осталось».

Заведующий музея, сухопарый, лысоватый мужчина, узнав, что Алекс человек приезжий, был настолько любезен, что провел его по залам, рассказывая о всяких примечательных фактах. Высказанное сомнение в экологической безвредности дуранового производства, было развеяно без следа. Причем, очень аргументировано.

– Помилуйте, в тонне золы обычной котельной вы найдете 3 грамма дурана. Это получается даже более грязное производство, чем на нашем комбинате. Я вам сейчас видеофильм о заводе покажу, в заводской телестудии снято. Там и об испытаниях нуклеоружия есть, уникальные съемки, должен сказать.

Алексу делать было особенно нечего, и он просмотрел видеозапись. Фильм энтузиазма не прибавил, особенно цветистые грибы взрывов.

– А стулья где?

– Простите?

– Я говорю, что стульев что-то не видать, одни фотографии.

– А вы об этом, – заведующий смущенно пригладил остатки волос. – Да ведь сейчас об этом периоде как-то не принято говорить. Хотя раньше у нас были в экспозиции муляжи. И потом не забывайте – продукция была одноразовой... Зато у нас есть кресла.

– Электрические? – изумился Алекс.

– Нет, что вы. Кресла из кабинета директора завода, трофейные, с войны.

– Большое начальство в них сиживало, – похлопал по кожаным валикам Спиро, приглашенный заведующим музея в его кабинет.

– Да, здесь много больших шишек побывало. Знаем точно, что глава Академии Наук, Алекс Зандер, был...

– А Рэбия?

– Неизвестно.

– А ведь креслица были еще те... Сидел вот так себе человек, сидел. Потом раз – и нет его. Чем не электро?... Можно я зарисую?

Получив разрешение, Алекс сделал набросок мебельных раритетов, еще несколько рисунков он накидал в экспозиционном зале.

Заведующий показал рукой на пустой постамент с надписью «Экспонат на реконструкции».

– Жаль, вы не сможете увидеть наш главный экспонат – самую большую бомбу, изготовленную во время Второй Войны. При уборке упала на техничку.

– Насмерть?

– Ну что вы, это ведь муляж. Сломала ей ключицу, пару витрин.

– Ага, так и запишем – бомба на ремонте.

Получив на память сувенир-авторучку и книжку о заводе, тепло попрощавшись с заведующим, Алекс покинул гостеприимное заведение, новыми глазами озирая высившиеся над городом башни и трубы.

13

Роншар пару раз намекал на то, что неплохо бы Спиро остаться здесь и начать издавать газету странствующих путников «Пилигрим». Но Алекс мысленно находился в других краях. Пора было думать о возвращении. «Летние» (как по инерции все еще называли этот отрезок времени) каникулы закончились, и с октября должны были начаться занятия в школах Чумландии.

Спиро решил напомнить о себе. Но состоявшийся телефонный разговор был неутешителен: оказалось, что рассчитывать на Дворец не имело смысла. Сбылись худшие предположения. Все уперлось в деньги – их не было. Не только на билет, но и на зарплату сотрудникам, о чем сухо сообщила фрау Лец.

– Вы же сами не захотели возвращаться со мной, теперь мы ничем не можем вам помочь. Деньги истрачены. Отчет нами составлен и отправлен в Мозгву, в Фонд Саврасова. Но мы ждем вас, и дети ждут, так что пробуйте, выбирайтесь...

Хотя Спиро и готовился к такому повороту, но в душе неприятный осадок остался. «Хорошенькое дело. Занятия уже начались. Фрау Лец сказала, что, несмотря на отсутствие денег (интересно, куда они все подевались, ведь на аппаратуру ушла далеко не вся сумма?), меня во Дворце ждут. Это хорошо, но где добыть недостающую сумму? Ехать в Скиев? Вик уверяет, что идея с „Астролябией“ гениальная и удастся подмолотить деньжат. Ну, у него все гениальное, а потом, глядь, пролетим как фанера над Пиаржем. Остаться в Электростуле?»

Леру добивал свои воспоминания о велопаломничестве в Верусалим. В «Золотом Умке» дальше одной главы он не продвинулся. В ответ на молчаливый вопрос в глазах Алекса он делал озабоченное выражение лица и клятвенно обещал выдать на гора еще парочку глав. Но только после того, как добьет свое повествование. Спиро чувствовал себя пауком, заманившим в свои сети несчастную жертву.

На кухне Энн готовила вегетарианскую пищу и, посматривая на примостившегося за обеденным столом Алекса, сыпала скороговоркой:

– Надеюсь, что вы не будете против супа из щавеля. А то вчера у вас ужас мелькнул в глазах, когда я сказала, что приготовила свое фирменное блюдо – пирог с капустой. Вы не знали, как выйти из ситуации.

– Да, был такой грех: терпеть не мог пироги с капустой. Но сей недостаток давно изжит, уверяю вас. Скорее всего, это был остаточный след в памяти... А вот у меня такой вопрос: какая ваша любимая книга?

– Любимая книга? «Мартин Иден». А почему вы спросили?

– А я всех спрашиваю. Составляю список лучших книг всех времен и народов.

– Это еще зачем?

– Мне пришло в голову, что будет забавно вставлять какие-нибудь куски из них в роман. Игра ведь.

– А не побьют?

– Не-а. Классикам все равно. Ну а если кто-то из современных поднимет шум, так нам это будет только на руку... Хуже, когда вовсе не замечают.

– Вы странный человек, Алекс. Вы смотрите на людей через призму своего романа. Для вас существуют только те, кто его воспринимает. Так я поняла?

Спиро был не прочь поразглагольствовать о своем детище:

– Пожалуй, вы правы. Иногда мне приходит сравнение... Как бы это выразиться. Будто меня окружают тени, бесплотные фигуры: обычные люди, занятые своими повседневными делами. И я иду сквозь них, не ощущая, не чувствуя. Словно они лишены материальной обо-

лочки. Но когда я вижу, что кто-то начинает врубаться, он наполняется кровью и плотью, материализуется. А остальные – как дым, призраки. Или, может быть, я сам – призрак? Был такой фильм, когда человек, перейдя в иное состояние, пытается выйти на контакт с окружающими, но его руки проваливаются в пустоту.

Энн задумчиво покачала головой:

– Я поняла. Вам знакома фамилия Бахова?

Она взяла книгу с холодильника и протянула ее Спиро. На ней было написано: «Иллюзии, или Приключения Мессии, который Мессией быть не хотел».

– Что-то знакомое, – Алекс перевернул несколько страниц. – Действительно, читал.

– Вы иронизируете над своим героем. Он должен спасти мир. Он спаситель, да? Вы тоже хотите спасти мир, ведь он – это вы, не так ли?

– Слишком сильно сказано. Хотя... Каждый человек, хоть на мгновение, представляет себя спасителем. Что в этом дурного?

Энн перестала шинковать щавель и строго взглянула на Алекса:

– Вы – уверенный человек? Откуда у вас эта уверенность, что вы правы? Меня пугают очень уверенные в себе люди. Неужели вы никогда не сомневаетесь?

– Один человек, по имени Наполеон, сказал: «Если вы не правы, настаивайте на своем, и вы будете правы». И потом, я считаю, что долг диктует каждому здравомыслящему мянину встать на защиту суверенитета своей планеты. Многих устраивает нынешнее статус-кво, лично меня – нет.

...На следующий день Леру жал руку Алекса на прощание, испытываяще глядя из-под своей шапки волос:

– В Калугулу? А потом? Как ты доберешься? Оставайся здесь совсем, дался тебе этот Ханадырь! Тем более, что тебя твое начальство прокатило, неужели ты не понял?

– Даже если это и так, я все равно должен вернуться. Все-таки там мой дом.

14

С трубным криком, заставляющим сжиматься внутренности, пролетел товарняк. Мелькнуло полуразрушенное здание старой кладки с надписями, сделанными цветными спреями: «Спартак – чемпион!», «Мерсов – на мыло!». Алекс усмехнулся: все же под спудом тлеет огонек-то.

В Малозерославце пришлось сделать пересадку. Терять время не хотелось, альбома с собой не было, и Алекс развернул газету, кем-то оставленную на скамейке. Новости были неутешительные: война на Кафказе разгоралась, превращаясь во Вторую черокезскую.

В зал ожидания вошла рыжая собака, похожая на лису, и, подойдя к Алексу, внимательно уставилась на него. В ее острой морде и внимательном взгляде Алексу показалось что-то очень знакомое.

«Ладная собачка, молодая. Ушки торчком, а взгляд какой умный. Так ведь это же Сид Вайс! Копия. Лапы белые, белые подпалины. Только глаза не зеленые, а светло-карие».

Белый кончик хвоста, пушистого, как у песца, произвел несколько движений в виде восьмерки.

– Что, жрать хочется? Ты знаешь, мне тоже. Иди, гуляй...

Итак, одно издательство отказало. Особых надежд Алекс не питал, но мысль о том, что таким образом можно узнать мнение профессионалов об их затее, перевесила. Спиро напрасно пытался себя убедить в том, что пишет вовсе не для публикации. Что-то внутри щекотало его: вдруг пойдет? Деньги бы ему сейчас вовсе не помешали. Позвонив в «Ватагу» и услышав отказ, Алекс почувствовал легкое разочарование и, не удержавшись, спросил:

– А в чем причина?

– Не соответствует нашему направлению. Я прочитал и главный редактор тоже.

– А на ваш взгляд, какое издательство могло бы заинтересоваться?

– Затрудняюсь ответить. Я не слежу за работой других издательств.

«С другой стороны, с чего бы им заинтересоваться моей писаниной? Пишу, что вижу. Им нужна фантазия, вымысел. Реальность – она для газет и журналов. Беллетристика же – дама, окутанная облаком вымысла. Чертов дабл-принцип! Получил по усам? Что и требовалось доказать».

Вошел полицейский в кожаном жилете и с коротким автоматом на груди. Окинув взглядом сидящих пассажиров, он присоединился к двум другим патрульным. Алекс подумал, что его, при большом желании, могли бы и зацепить – срок действия отпускного удостоверения кончился.

Голубь влетел в зал и уселся на динамик громкоговорителя. Подошла старушка со стопкой журналов.

– Не хотите почитать духовную литературу?

Спиро не хотел. Вместо этого он купил булку и сжевал ее, глядя в окно. Там народ бесцельно перемещался по перрону, высматривая, не идет ли электричка.

Раскрыв свою планшетку, Алекс стал перебирать захваченные из Калугулы бумаги. Среди них находилась газета «Вестимо» месячной давности. От нечего делать Спиро стал перечитывать номер.

На первой полосе сообщалось о смене правительства и комментатор, возмущенный надоевшей политтехардой, язвительно отзывался о назанченце, которого прочили в будущие приемники президента. «Действительно, чего они там, наверху, мудрят?..». Далее шли вести полей, это можно было пропустить. На третьей внимание Алекса привлекла статья о лагере актива старшекласников «Амиго». Среди множества направлений, заявленных в их программе деятельности, значилась и детская журналистика. Лагерь дислоцировался в нескольких киломи-

лях от города на базе отдыха «Старгейзер» и каждый сезон принимал по две-три сотни ребят. «Было бы глупо не поехать туда, вряд ли они откажутся от создания коллективной газеты. Как же это я пропустил раньше эту статью?.. А вот с этим парнем надо обязательно встретиться».

На четвертой полосе, там, где скромно разместилась его заметка, статья Энди Пельца интриговала названием «Хочу стать профессором уфологии». В ней рассказывалось о калугульской группе изучения АЯ (аномальных явлений) – некоммерческой общественной организации, ассоциированном члене Международной уфологической ассоциации, Гроссрийского общества спелеологии и спелеонавтики. До сведения читателей доводилось, что общество проводит на территории воеводства научно-исследовательские работы по уфологии и изучению аномальных зон, криптозоологии, спелео- и спелестологии, парапсихологии, поиску памятников сверхдревней истории. Сам Энди Пельц эту группу и возглавлял.

«Вообще странно как-то, вроде бы с летающими объектами должны уж разобраться – опознаны давно. Или кроме мерсиан еще кто шастает над планетой? Хорошо бы переговорить на эту тему с братьями-уфологами, телефон указан. Обязательно позвоню».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.